

УДК 821.161.1

DOI: 10.29039/2413-1679-2024-10-4-96-106

КОНЦЕПТ «ВЕЧНОСТЬ» В КИММЕРИЙСКОМ ТЕКСТЕ РУССКИХ ПОЭТОВ XX ВЕКА

Иванова Н. П.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь, Россия*

E-mail: N-P-Ivanova@yandex.ru

Статья посвящена проблеме формирования и выделения топического (регионального) сверхтекста, которым является Киммерийский текст. Исследование проводится на материале лирических произведений русских поэтов XX в. Его результатом стал вывод о том, что указанная структура формировалась и формируется под влиянием личности и творчества М. А. Волошина, воспринимавшего территорию юго-восточного Крыма сквозь призму мифа о Киммерии. Последователи идей поэта, как и он сам, отразили в анализируемом сверхтексте процесс и результаты ремифологизации данного региона, включающей в себя, в частности, экспликацию элементов античного и райского вариантов крымского мифа. При этом ядром Киммерийского текста становится концепт «Вечность», последовательно реализованный как в пространственной, так и во временной сферах художественных произведений. Формы экспликации указанной ментальной структуры являются предметом исследования. Они обусловлены, в первую очередь, мировоззренческими установками М. А. Волошина, возникшими под влиянием идей В. С. Соловьева, Ф. Ницше, Р. Штайнера, А. Р. Минцловой, и связаны с осознанием места человека в мироздании и его отношения к окружающему миру.

Ключевые слова: сверхтекст, Киммерийский текст, концепт «Вечность», субтекст, миф.

ВВЕДЕНИЕ

Проблема формирования, выделения и классификации сверхтекстовых структур является актуальной для современного литературоведения. Ей посвящены, в частности, работы таких исследователей, как Н. А. Купина [10], С. О. Курьянов [12], В. В. Курьянова [13], А. Г. Лошаков [15], Н. Е. Меднис [16], В. Н. Топоров [24], О. В. Шалыгина [28]. Ученые выделяют ассоциативно-смысловые сверхтексты, включающие в себя именные (персонические и персонажные), топические (локальные и региональные) и событийные (казуальные и эпохальные) структуры. Основным критерием выделения локальных сверхтекстов О. В. Шалыгина вслед за В. Н. Топоровым называет сакральность, реализацию в них «глубоких, сверхэмпирических сущностей» [28, с. 202], что дает возможность сделать вывод о существовании в творчестве поэтов XX века Киммерийского текста, формированию которого, как известно, положил начало М. А. Волошин. О сакральности Киммерии в его поэтическом сознании писали, в частности, С. М. Заяц, С. М. Пинаев, Д. С. Скокова: «Для М. А. Волошина Киммерия – центр мироздания, точка соприкосновения всего... Киммерия – это возрождение» [8, с. 12].

Закономерно, что рецепция этого пространства невозможна без опоры на существующие мифы, с одной стороны, и без ремифологизации – с другой. В ходе осмысления этого процесса важным представляется учет мнения Е. М. Мелетинского, который, как и В. Ф. Лосев, считает миф «средством концептуализации мира – того, что находится вокруг человека и в нем самом» [17, с. 24]. Следовательно, мифологизируется некий базовый культурный концепт, что находит отражение в поэтическом творчестве, – таким образом формируется

ассоциативно-смысловой сверхтекст [21]. Базовым для проводимого исследования является определение концепта, сформулированное Ю. С. Степановым: «Концепт - это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек... сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [23, с. 40].

Представляется, что ядром Киммерийского текста является концепт «Вечность», мифологизированный в сознании русских поэтов XX века и отраженный в их лирических произведениях, посвященных Коктебелю и М. А. Волошину, в связи с чем целью данной статьи является анализ форм экспликации указанной ментальной структуры.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

А. Н. Толстой неслучайно назвал М. А. Волошина «поэтом ритма вечности» [18]: стремление к осмыслению законов мироздания под влиянием идей В. С. Соловьева, Ф. Ницше, Р. Штайнера, А. Р. Минцловой обусловило появление в сознании поэта основополагающего бытийного концепта, реализующегося как в пространственной, так и во временной сферах. Несмотря на неоднозначное отношение М. А. Волошина к идеям Р. Штайнера, мысль о вторичности материи по отношению к духу определила специфику картин окружающего мира в цикле «Киммерийские сумерки», уже первое стихотворение которого под названием «Польнь», написанное в Петербурге в 1907 г., содержит телеологическое и, как представляется, логоцентрическое указание на осуществление в процессе мироздания некоего высшего замысла. Однако стремление материи (земли) реализовать этот замысел в полной мере оказывается неосуществимым: *«В гранитах скал – надломленные крылья. / Под бременем холмов – изогнутый хребет. / Земли отверженной – застывшие усилья. / Уста Праматери, которым слова нет!»* [4, т. 1, с. 88].

К. А. Баршт указывает, что результатом влияния антропософских идей Р. Штайнера на мировосприятие М. А. Волошина стал своего рода обратный антропоморфизм, когда не природа наделяется человеческими качествами, а напротив, человек, являясь органической частью материального мира, обнаруживает черты природного начала: «Подобно сентименталистам или философам Просвещения, Штайнер ищет в человеке черты, роднящие его с живой природой, пытается оправдать человека онтологически, рассматривает его как символ – часть, совпадающую в одной из своих ипостасей со всем целым Земли – животворного существа, дающего телесную жизнь человеку» [2, с. 157-158]. Следовательно, лирический субъект этого стихотворения осознает, что в нем, как и во всем мироздании, объединены профанное и сакральное, материальное и духовное, бренное и вечное, отсюда и его обращение к Праматери-земле: *«Дитя ночей призывных и пытливых, / Я сам – твои глаза, раскрытые в ночи / К сиянью древних звезд, таких же сиротливых, / Простерших в темноту зовущие лучи. / Я сам – уста твои, безгласные как камень! / Я тоже изнемог в оковах немоты. / Я свет потухших солнц, я слов застывший пламень, / Незрячий и немой, бескрылый, как и ты»* [4, т. 1, с. 88]. Изначальный порыв к вечности оказывается хоть и обозначенным как человеческое предназначение, но неосуществленным, а высший замысел – неозвученным, не познанным до конца и как бы скованным, что порождает известный образ матери-

невольницы и трижды повторенное указание на испытанную горечь: «*О, мать-невольница! На грудь твоей пустыни / Склоняюсь я в полночной тишине... / И горький дым костра, и горький дух полыни, / И горечь волн – останутся во мне*» [4, т. 1, с. 88]. В письме к М. Сабашниковой от 22 июля 1905 года поэт пишет: «Полынь – это ведь символ знания. И я всегда страшно любил полынь, её запах, её цвет. Весь Коктебель зарос полынью. Это запах пустыни, горечь познания. Он меня волновал с раннего детства, я, может быть, за него так люблю юг» [4, т. 11, с. 277].

Однако в этом же 1907 году уже в Коктебеле написано стихотворение «Здесь был священный лес. Божественный гонец...», еще раз доказывающее сакральность обозначенного топоса и обозначающее неразрывную связь времен, отчетливо ощущаемую человеком: «*Чьей древнею тоской мой вещей дух ужален?*» [4, т. 1, с. 90]. На это же указывает образ «моря древнего», создавая предпосылки для неизбежного возвращения к утраченному: «*И лики темные отвергнутых богов / Глядят и требуют, зовут... неотвратимо*» [4, т. 1, с. 90]. И как следствие волошинский Киммерийский текст оказывается неразрывно связанным с мотивом странничества – неслучайно в нем последовательно реализована мифологема пустыни, обозначающая место отшельничества и поиска истины. С. М. Заяц справедливо отмечает, что «странничество в духовном смысле слова является возвращением человека к Первобытию, где происходит обожение человеческого лица. Это сближает М. А. Волошина с бердяевскими представления о мире» [9, с. 8]. И в стихотворении «Пустыня» из цикла «Киммерийская весна», написанном в Коктебеле 19 ноября 1919 года, после двух лет страшных потрясений, создан образ странника, идущего сквозь времена и пространства и объединяющего их: «*Как незапамятно и строго / Звучал из глубины веков / Глухой пастуший голос рога / И звон верблюжьих бубенцов, / Когда, овеянный туманом, / Сквозь сон миражей и песков, / Я шел с ленивым караваном / К стене непобедимых льдов*» [4, т. 1, с. 172].

Действительно, происходит нечто сродни обожению, когда человек ощущает себя органичной и неотъемлемой частью Вселенной (по Р. Штайнеру, «все человеческое... – часть физической Вселенной» [29, с. 22]) и перед ним распахиваются врата вечности: «*А по ночам в лучистой дали / Распахивался небосклон, / Миры цвели и отцветали / На звездном дереве времен...*» [4, т. 1, с. 172]. И в этот миг в ситуации вневременности, при созерцании мирового древа (оси мира) возникают те самые принятие мира как Божьего творения и хвала его творцу, которые и являются залогом вечной жизни: «*И хоры горних сил хвалили / Творца миров из глубины / Ветвистых пламеней и лилий / Неопалимой Купины*» [4, т. 1, с. 172]. При всей сложности мировоззренческой картины М. А. Волошина в этот момент возникает христианский символ Неопалимой Купины, что дает возможность сделать вывод о результатах страннического поиска истины.

При этом антропософское соединение человека и окружающего мира приводит к одухотворенности пространства, антропо- и логоцентризму, меняющим мироздание, а также к известному увековечению облика поэта на скале Карадага, о чем сказано в стихотворении «Как в раковине малой – Океана...»: «*Моей мечтой с тех пор напоены / Предгорий героические сны / И Коктебеля каменная грива; / Его полынь хмельна моей тоской, / Мой стих поет в волнах его прилива, / И на скале, замкнувшей зыбь залива, / Судьбой и ветрами изваян профиль мой!*» [4, т. 1, с. 170].

Именно Коктебель стал местом обретения смыслов, выстраивания картины мира, в которой хаос уступает место космосу, сумерки сменяются весной, и, как утверждает С. М. Заяц, «любая пейзажная зарисовка из цикла "Киммерийская весна" становится значимой частью космологического мифа М. Волошина» [8, с. 1116]. Так, уже первые строки одного из стихотворений, завершающих указанный цикл, а значит, содержащих итоги духовных поисков, описывают модель мира, включающую в себя человека, четыре стороны света и четыре стихии: *«Выйди на кровлю... Склонись на четыре / Стороны света, простири ладонь. / Солнце... вода... облака... огонь... / Все, что есть прекрасного в мире...»* [4, т. 1, с. 174]. Этот мир обладает как неразрывной целостностью (*«К небу из пены простерты длани»*), так и неизменной иллюзорностью: *«Гаснут во времени, тонут в пространстве / Мысли, события, мечты, корабли... / Я ж уношу в свое странствие странствий / Лучшее из наваждений земли»* [4, т. 1, с. 174]. Человек представляется здесь, с одной стороны, вершиной мироздания, склоняющейся перед всеми гранями его совершенства, с другой – вечным странником и единственным хранителем мифологизированного образа этого мира (в данном случае речь может идти о райском варианте Крымского мифа, согласно классификации С. О. Курьянова [10, с. 30]).

Реализация концепта «Вечность» наряду с пространственной, безусловно, предполагает и временную составляющую. В связи с этим А. Ф. Лосев утверждает, что время – это «развёрнутая вечность, а вечность – свёрнутое в одной точке, в одно мгновение время» [14, с. 35]. И С. М. Пинаев в работе «Время и вечность в поэзии Волошина» делает вывод о том, что «единственная ощущаемая форма времени, знак вечности, по Волошину, это мгновение» [18, с. 231].

Это мгновение может быть обозначено в названии стихотворения киммерийского цикла («Полдень»), указано описательно в его первой строке («Заката алого заржавели лучи...») или в финальной фразе («Расцветает утро»). Статичность может быть создана посредством безглагольности (к примеру, совершенно отсутствуют глаголы в стихотворениях «Яры, увалы, ширь полей...», «Акрополи в лучах вечерней славы...») или употреблением глаголов исключительно в настоящем времени, как в стихотворениях «Седым и низким облаком дол повит...», «Звучит в горах, весну встречая...», «Облака клубятся в безднах зеленых...», «Над синевой зубчатых чащ...», «Опять бреду я босоногий...», что создает ощущение «развернутой вечности». Возможен также прямой призыв к погружению в текущий момент: *«Остановись. Молчи»* [4, т. 1, с. 166]. Все это удлиняет мгновение и приближает его к вечности. По справедливому заключению С. М. Пинаева, «лирический герой "погружён" в мифологическое время, в котором отсутствуют начало и конец, к которому неприменимо понятие линейной протяжённости» [18, с. 227–228]. Таково заключительное стихотворение цикла «Киммерийская весна», написанное 20 ноября 1926 г. и содержащее указание на мировосприятие человека, делающего итоговые жизненные выводы и ценящего каждый миг, который в этом случае превращается в вечность: *«Фиалки волн и гиацинты пены / Цветут на взморье около камней. / Цветами пахнет соль... Один из дней, / Когда не жаждет сердце перемены / И не торопит преходящий миг, / Но пьет так жадно златокудрый лик / Янтарных солнц, просвеченных сквозь просинь. / Такие дни под старость дарит осень»* [4, т. 1, с. 176].

А спустя месяц, 25 декабря 1926 г., написано программное стихотворение «Дом поэта», не вошедшее в исследуемые циклы, однако сыгравшее важную роль в формировании Киммерийского текста. В нем нашли выражение мировоззренческие позиции М. А. Волошина, а также основные семантические элементы анализируемого ассоциативно-смыслового (топического, регионального) сверткста, реализующие концепт «Вечность»:

- ключевые символы и мифологемы: «Серебро полыни / На шиферных окалинах пустыни» [4, т. 2, с. 78];
- указание на увековеченный самой природой образ поэта: «Вон там – за профилем прибрежных скал, / Запечатлевшим некое подобье / (Мой лоб, мой нос, ощечье и подлобье)» [4, т. 2, с. 78];
- идея неразрывной связи времен, уходящей в вечность: «Доселе грезят берега мои / Смолёные ахейские лады / И мертвых кличет голос Одиссея...» [4, т. 2, с. 79];
- поликультурность как отголосок смены эпох: «Сарматский меч и скифская стрела, / Ольвийский герб, слезница из стекла, / Татарский глёт зеленоватобусый / Соседствуют с венецианской бусой. / А в кладке стен кордонного поста / Среди булыжников оцепенели / Узорная арабская плита / И угол византийской капители. / Каких последов в этой почве нет / Для археолога и нумизмата — / От римских блях и эллинских монет / До пуговицы русского солдата» [4, т. 2, с. 79–80];
- идея единства человека и окружающего мира: «Я принял жизнь и этот дом как дар / Нечаянный – мне вверенный судьбою / Как знак, что я усыновлен землею» [4, т. 2, с. 81];
- идея вторичности материи по отношению к духу: «Тут по ночам беседуют со мной / Историки, поэты, богословы. / И здесь — их голос, властный, как орган, / Глухую речь и самый тихий шепот / Не заглушит ни зимний ураган, / Ни грохот волн, ни Понта мрачный ропот» [4, т. 2, с. 81];
- мотив странничества, отшельничества, духовных поисков: «И сам избрал пустынный сей затвор / Землею добровольного изгнанья, / Чтоб в годы лжи, паденья и разрух / В уединеньи выплавить свой дух / И выстрадать великое познанье» [4, т. 2, с. 82];
- идея вечности мироздания: «Ветшают дни, проходит человек. / Но небо и земля – извечно те же» [4, т. 2, с. 82];
- необходимость постижения законов мироздания и подчинения им: «Будь прост, как ветер, неистоцим, как море, / И памятью насыщен, как земля» [4, т. 2, с. 82];
- необходимость принимать и ценить жизнь в каждый из ее моментов и восприятие мгновения как «свернутой вечности»: «Поэтому живи текущим днем. / Благослови свой синий окоем... / Люби далекий парус корабля / И песню волн, шумящих на просторе» [4, т. 2, с. 82].

Наконец, финальная строка этого стихотворения содержит постулат о единстве всего сущего, мига и вечности и о человеке как, с одной стороны, части, с другой – вечном продолжателе и хранителе этого единства (парцелированная конструкция увеличивает экспрессивность): «Весь трепет жизни всех веков и рас / Живет в тебе. Всегда. Теперь. Сейчас» [4, т. 2, с. 82].

Гости Дома поэта продолжили формирование Киммерийского текста, зачастую находясь в русле мировоззрения и творчества М. А. Волошина и в той или иной мере эксплицируя концепт «Вечность». Так, В. А. Рождественский, с 1927 года часто приезжавший в Коктебель, посвятил ему одноименное стихотворение, в котором, в частности, реализовал антропософское представление о человеке как части Вселенной, подчиняющейся ее законам: *«Я камешком лежу в ладонях Коктебеля... / Здесь, в этом воздухе, пылающем и чистом, / Совсем я звонким стал и жарко-золотистым / Горячим камешком, счастливым навсегда, / Соленым, как земля, и горьким, как вода...»* («Коктебель») [19, с. 96]. В этих строках видится также переключки с волошинским *«прост, как ветер, неистоцим, как море»*. Кроме того, поэт упоминает о разговоре с М. А. Волошиным, называя его «сребристым мудрецом в повязке Гезиода» и при этом, с одной стороны, декларируя связь времен, с другой – доказывая вневременность происходящего в «Мастерской» Дома поэта. Интересно, что, описывая это место в «Страницах жизни», В. А. Рождественский использует волошинские символы и мифологемы: *«Оно и стояло несколько в стороне от немногих домиков пустынного берега, гранича только с полынной степью»* (курсив наш. – Н. И.) [20, с. 156]. Упоминает он и увековеченный в камне профиль хозяина: *«А еще левее – обрывающаяся в море черная оголенная Кок-Кая, предгорье Карадага, вулкана, погасшего в незапамятные времена. Если вглядываться в резкий ее контур, можно различить необычайный феномен природы – четкий и поразительно похожий профиль Максимилиана Волошина»* [20, с. 157].

Экспликация концепта «Вечность» в рамках Киммерийского текста видится также в интересном замечании об особенностях коктебельского моря, сделанном писателем и журналистом И. М. Басалаевым, гостившим в Доме поэта в 1929 г.: *«Море в Коктебеле простое и древнее, как Гомер»* [3, с. 130].

Античный вариант крымского мифа [10, с. 30] реализует в Киммерийском тексте и поэтесса другого поколения – Ю. В. Друнина, воспринимающая коктебельские берега как Киммерию и в одноименном стихотворении называющая их «странным краем Одиссея», видимо, имея в виду не странность, а странничество, т. к. далее речь идет о поисках чего-то важного, но скрытого от понимания и, возможно, отделенного временем или вневременного: *«Что я в гротах морских искала? / Чьи там слышала голоса?»* [7, т. 2, с. 186].

Восприятие этого края сквозь призму мифа о Киммерии и концепта «Вечность» отражено и в «Коктебельской оде» Б. А. Чичибабина: *«Видишь? – я, от радости заплавав, / запрокинул голову – и вот / Киммерия, алая от маков, / в бесконечность синюю плывет»* [27, с. 90]. Это место символизирует непреходящую радость бытия, сюда приезжают и прилетают «за чудом». Более того, вечность обретает здесь особый характер: становится «ласковой», помогает человеку возвыситься над бренностью и суетностью бытия, забыть о горестях и почувствовать себя частью Вселенной в ее абсолютно светлой и доброй ипостаси – такой, какой видят ее ангелы и дети. Конечно, власть мгновения как свернутой вечности вновь абсолютна, но и миг здесь определяется либо как «негасимый полдень», либо как «час любви» – высшая точка восторженного принятия окружающего мира, возможного только в пространстве Киммерии: *«Вся плывет в непобедимом свете, / в негасимом полдне, – и на ней, / как не знают ангелы и дети, / я не помню горестей и дней. / Дал Господь*

согнать с души отечность, / в час любви подняться над судьбой / и не спутать ласковую Вечность / со свирепой вольностью степной...» [27, с. 90].

Это момент господства непреходящих ценностей, когда «душа лишь вечным дорожит», человек отказывается от суетных стремлений и ощущает собственное бессмертие: «*И не славен я, и не усерден, / не упорствую, и не мечусь, / и что я воистину бессмертен, / знаю всеми органами чувств»* [27, с. 90]. Тогда следствием приобщения к высшему знанию становится утверждение идеи торжества духовного над материальным и хвала Творцу, любовь к которому особенно остро ощущается здесь: «*Боже мой Любви и Воскрешенья, / Боже Света, Боже Тишины! / Как Тебя люблю я в Коктебеле, / как легко дышать моей любви, – / Боже мой, таимый с колыбели, / на земле покинутый людьми!»* [27, с. 91]. Именно здесь в результате странничества, отшельничества, духовных поисков, ощущения единства мироздания и человеческой причастности к этому единству происходит возвращение к Вечному – возвращение к Богу: «*Но земля кончается у моря, / и на ней, ликуя и любя, / глуби вод и выси неба вторя, / бесконечно верую в Тебя»* [27, с. 91].

Мировоззренческая основа Киммерийского текста так или иначе формировалась под влиянием личности и идей М. А. Волошина, поэтому закономерно, что в рамках исследуемой сверхтекстовой структуры существует субтекст – Волошинский текст, являющийся именным (персоническим) [21], также эксплицирующим концепт «Вечность». Так, В. Я. Брюсов и К. Д. Бальмонт написали стихотворения с одинаковым названием – «Максимилиану Волошину» – и сходными отсылками к античному мифу, эксплицированному в Киммерийском тексте. Первый обращается к адресату, проводя аналогии: «*Наши Агамемнон, наш Амфитрион / И наши Орфей, царь области рубежной»* [3, т. 4, с. 433], второй – создавая новый миф: «*В Элладе ведал ты, за сонмами веков, / Ристалище и лавр блестяще-горделивый»* [1, с. 956]. Оба отводят М. А. Волошину роль демиурга: 1) «*Ты, ты изваял этих гор хребет, / Им оградил себя от горьких лавров, / И в тверди глыб, для казни и побед, / Сквозь лабиринт сокрыл для минотавров. / Ряд входов с моря ты открыл в Аид, / Чтоб доступ к Стиксу прост был»* [3, т. 4, с. 433] (В. Я. Брюсов); 2) «*Люблю тебя за то, что твердою киркой / Ты разрываешь глыб, и камень дорогой / С другим поставишь в ряд - рукою хладнокровной. / Но более всего, в людской пустыне ровной, / Ценю в тебе, что ты душой своей упрям / И рядом с торжищем всегда построишь храм»* [1, с. 956] (К. Д. Бальмонт). Сходное отношение к поэту и у В. А. Рождественского, описавшего процесс создания волошинской Киммерии, поликультурной и полихронной: «*Из русской совести, отстоянной как хмель, / Из знойного песка в полынном кругозоре, / Из скифских пажитей и эллинского моря / Он изваял страну и назвал: Коктебель»* [19, с. 96]. Поэты говорят о масштабности личности и деяний М. А. Волошина, которым суждено остаться в вечности. И это чувствовали те, кто был рядом. Так, М. И. Цветаева в стихотворении «Ici-Haut» написала: «*Макс, до чего мне вечно / Было в твоей груди!»* [26, т. 2, с. 279].

О хозяине Дома поэта говорят в настоящем времени, признавая неизменность его власти над этими краями и указывая на неразрывную и радостную связь с окружающим миром во всех, даже самых незначительных, его проявлениях. Так, Б. А. Чичибабин в упомянутой «Коктебельской оде», написанной в 1984 году, через полвека после ухода М. А. Волошина, констатирует: «*Всем дитя и никому не прадед,*

/ с малой травкой весело сляян, / здесь по-детски властвует и правит /царь блаженных Максимилиан» [27, с. 90]. Таким образом возникает мотив детства, изначальной и неутраченной чистоты, обладатели которой, как известно, получают возможность войти в Царство Божие, а сопрягающийся с ним мотив странничества усиливает смысловую нагрузку образа: «Образ Божий, творческий и добрый, / в серой блузе, с рыжей бородой, / каждый день он с посохом и торбой / карадагской шествует грядой...» [27, с. 90].

Кроме того, вновь утверждается ключевая для Киммерийского текста идея вечного единства человека и окружающего мира, об истинности которой писал гостивший у М. А. Волошина в 1926 году литературовед, писатель, богослов С. Н. Дурылин в (по его замечанию) проекте «Предвратной надписи к Дому поэта»: *«Здесь сказка в сказку вплетена, / Здесь в песне – песня верно спета, – / И навсегда обручена / С душой земли душа поэта» [22].*

ВЫВОДЫ

Таким образом, Киммерийский текст в творчестве русских поэтов XX в. сформировался как результат представлений о том, что существуют вневременные кросскультурные константы («мифологизированные константные представления» [10, с. 30]), которые могут быть осмыслены на том или ином историческом этапе в зависимости от определенных мировоззренческих установок. Однако проведенное исследование показало, что специфика топоса, определившего характер данного сверткста, породила обращение поэтов к вневременным ценностям, поэтому ядром анализируемой структуры представляется концепт «Вечность». Формами его реализации в пространственной сфере являются ключевые для топоса Коктебеля образ полыни, символизирующий «горечь познания», тесно связанная с ним мифологема пустыни, эксплицирующая мотив отшельничества и странничества как поиска истины, идея неразрывной связи времен, прошлого и настоящего, смены эпох, ведущей к поликультурности, а также идеи вторичности материи по отношению к духу, неразрывного единства человека и окружающего мира, вечности мироздания, необходимости постижения его законов и подчинения им. Во временной сфере реализации анализируемого концепта эксплицирована идея необходимости принимать и ценить жизнь в каждый из ее моментов, что приводит к восприятию мгновения как «свернутой вечности».

Указанные формы экспликации концепта «Вечность» характерны, в первую очередь, для Киммерийского текста М. А. Волошина. Но они также нашли свое воплощение в творчестве других поэтов XX в., воспринимавших хозяина Дома поэта как киммерийского демиурга, осознававших его роль в гармонизации человеческого бытия и отношений человека с окружающим миром и с благодарностью признававших его влияние на собственное мировоззрение. В связи с этим в стихотворениях и самого М. А. Волошина, и его последователей содержатся указания на увековеченный самой природой образ поэта.

В процессе мифологического осмысления ядерного понятия анализируемой сверткстевой структуры реализованы античный и райский варианты крымского мифа.

Список литературы

1. *Бальмонт К. Д.* Полное собрание поэзии и прозы в одном томе. – М.: Издательство АЛЬФА-КНИГА, 2018. – 1399 с.
2. *Баршт К. А.* Антропософия А. Платонова. Штайнеровский слой в романе «Котлован» // Начало века. – СПб.: Наука, 2000. – С. 154–190.
3. *Брюсов В. Я.* Собрание сочинений в 7 т. – М.: Художественная литература, 1973–1975.
4. *Волошин М. А.* Собрание сочинений. – М.: Эллис Лак 2000, 2003–2015.
5. Воспоминания о Волошине. – М.: Советский писатель, 1990. – 787 с.
6. *Даль В. И.* Словарь живого великорусского языка. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. – Т. 3. – С. 542.
7. *Дручина Ю. В.* Избранные произведения: В 2-х т. – М.: Художественная литература, 1981.
8. *Заяц С. М.* «Киммерийская весна» Максимилиана Волошина как этап мифотворчества и жизнотворчества поэта // Вестник Башкирского ун-та. – 2013. – № 4. – С. 1113–1118.
9. *Заяц С. М.* Мифологические и библейские образы в поэзии Максимилиана Волошина в контексте его духовных исканий. – М., 2009. – 21 с.
10. *Купина Н. А.* Сверхтекст и его разновидности // Человек – текст – культура. – Екатеринбург, 1994. – С. 215–222.
11. *Купченко В. П.* Остров Коктебель. – М.: Правда, 1981. – 48 с.
12. *Курьянов С. О.* «Тайный ключ русской литературы»: формирование и становление крымского текста в русской литературе X–XIX веков. – М.: ИНФРА-М, 2019. – 308 с.
13. *Курьянова В. В.* Крымский текст в творчестве Л. Н. Толстого. – Симферополь, 2013 – 241 с.
14. *Лосев А. Ф.* Античная философия истории. – М.: Наука, 1977. – 208 с.
15. *Лошаков А. Г.* Сверхтекст как словесно-концептуальный феномен. – Архангельск: Поморский ун-т, 2007. – 344 с.
16. *Меднис Н. Е.* Сверхтексты в русской литературе. – Новосибирск: Издательство Новосибирского государственного педагогического университета, 2003. – 170 с.
17. *Мелетинский Е. М.* От мифа к литературе: учебное пособие по курсу «Теория мифа и историческая поэтика повествовательных жанров». – М.: РГГУ, 2001. – 169 с.
18. *Пинаев С. М.* Время и вечность в поэзии Волошина // Вечность как сюжет: Статьи и материалы. – Тверь: Издательство Марины Батасовой, 2015. – С. 227–235.
19. *Рождественский В. А.* Стихотворения. – М.: Советский писатель, 1985. – 604 с.
20. *Рождественский В. А.* Страницы жизни. – М.: Советский писатель, 1962. – 380 с.
21. Сверхтекст: генезис, структура, семантика / под ред. С. О. Курьянов. – М.: Директ-Медиа, 2023. – 224 с.
22. *Скоропанова И. С.* Философский пейзаж в «Киммерийских» циклах Максимилиана Волошина // Веснік БДУ. Сер. 4, Філалогія, журналістыка, педагогіка. – 2009. – № 2. – С. 51–55.
23. *Степанов Ю. С.* Константы: словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
24. *Топоров В. Н.* Петербургский текст русской литературы. – СПб.: Искусство-СПБ, 2003. – 617 с.
25. *Торопова В.* «Общением с тобою я дорожу...» // Литературный журнал «Москва». – 2013. – № 7. – Режим доступа: https://moskvam.ru/publications/publication_933.html. – (Дата обращения: 10.07.2024).
26. *Цветаева М. И.* Собрание сочинений: В 7 т. – М.: М.: Эллис Лак, 1994.
27. *Чичибабин Б. А.* Собрание стихотворений. – М.: Фолио, 2009. – 162 с.
28. *Шалыгина О. В.* Ландшафтные коннотации солярного мифа в структуре крымского текста (М. Волошин «Киммерийские сумерки») // Вестник славянских культур. – М., 2017. – Т. 46. – С. 201–206.
29. *Штайнер Р.* Очерк тайноведения. – М.: Неоглори, 2009. – 400 с.

References

1. Balmont K. D. *Polnoe sobranie poezii i prozy v odnom tome* [A complete collection of poetry and prose in one volume]. Moscow, ALFA-KNIGA Publ., 2018. 1399 p.
2. Barsht K. A. *Antroposofija A. Platonova. Shtajnerovskij sloj v romane «Kotlovan»* [The anthroposophy of A. Platonov. The Steiner layer in the novel "The Pit"]. *Nachalo veka*, Saint-Petersburg, Nauka Publ., 2000, pp. 154–190.

3. Brjusov V. Ja. *Sobranie sochinenij v 7 t.* [Collected works in 7 vol.]. Moscow, Hudozhestvennaja literatura Publ., 1973-1975.
4. Voloshin M. A. *Sobranie sochinenij* [Collected works]. Moscow, Jellis Lak Publ., 2000, pp. 2003–2015.
5. *Vospominanija o Voloshine* [Memories of Voloshin]. Moscow, Sovetskij pisatel' Publ., 1990. 787 p.
6. Dal' V. I. *Slovar' zhivogo velikorussskogo jazyka* [Dictionary of the living Great Russian language]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannyh i nacional'nyh slovarej Publ., 1955, vol. 3, 542 p.
7. Drunina Ju. V. *Izbrannye proizvedenija v 2 t.* [Selected works in 2 vol.]. Moscow, Hudozhestvennaja literatura Publ., 1981.
8. Zajac S. M. «*Kimmerijskaja vesna*» Maksimiliana Voloshina kak jetap mifotvorchestva i zhiznetvorchestva pojeta [Maximilian Voloshin's "Cimmerian Spring" as a stage of myth-making and life-creation of the poet]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 2013, no 4, pp. 1113–1118.
9. Zajac S. M. *Mifologicheskie i biblejskie obrazy v poezii Maksimiliana Voloshina v kontekste ego duhovnyh iskanij* [Mythological and Biblical images in Maximilian Voloshin's Poetry in the context of his Spiritual Quest]. Moscow, 2009. 21 p.
10. Kupina N. A. *Sverhtekst i ego raznovidnosti* [The supertext and its varieties]. *Chelovek – tekst – kul'tura*. Ekaterinburg, 1994, pp. 215–222.
11. Kupchenko V. P. *Ostrov Koktebel'* [Koktebel Island]. Moscow, Pravda Publ., 1981. 48 p.
12. Kur'janov S. O. «*Tajnyj ključ russkoj literatury*»: formirovanie i stanovlenie krymskogo teksta v russkoj literature X–XIX vekov [Russian Literature's Secret Key: the Formation and Formation of the Crimean Text in Russian Literature of the X–XIX Centuries]. Moscow, INFRA-M Publ., 2019. 308 p.
13. Kur'janova V. V. *Krymskij tekst v tvorčestve L. N. Tolstogo* [The Crimean text in the works of L. N. Tolstoj]. Simferopol, 2013. 241 p.
14. Losev A. F. *Antichnaja filosofija istorii* [The Ancient Philosophy of History]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 208 p.
15. Loshakov A. G. *Sverhtekst kak slovesno-konceptual'nyj fenomen* [Overtext as a verbal and conceptual phenomenon]. Arhangelsk, Pomorskij un-t Publ., 2007. 344 p.
16. Mednis N. E. *Sverhteksty v russkoj literature* [The supertexts in Russian literature]. Novosibirsk, Novosibirskij gosudarstvennij pedagogičeskij universitet Publ., 2003. 170 p.
17. Meletinskij E. M. *Ot mifa k literature: uchebnoe posobie po kursu «Teorija mifa i istoričeskaja pojetika povestvovatel'nyh žanrov»* [From myth to literature: a textbook for the course "Theory of Myth and historical poetics of narrative genres"]. Moscow, RGGU Publ., 2001. 169 p.
18. Pinaev S. M. *Vremja i večnost' v poezii Voloshina* [Time and Eternity in Voloshin's Poetry]. *Večnost' kak sjužet: Star'i i materialy*, Tver, Izdatel'stvo Mariny Batasovoj Publ., 2015, pp. 227–235.
19. Rozhdestvenskij V. A. *Stihotvorenija* [Poems]. Moscow, Sovetskij pisatel' Publ., 1985. 604 p.
20. Rozhdestvenskij V. A. *Stranicy žizni* [Pages of life]. Moscow, Sovetskij pisatel' Publ., 1962. 380 p.
21. *Sverhtekst: genezis, struktura, semantika* [Supertext: genesis, structure, semantics]. Moscow, Direkt-Media Publ., 2023. 224 p.
22. Skoropanova I. S. *Filosofskij pejzazh v «Kimmerijskih» ciklah Maksimiliana Voloshina* [The Philosophical Landscape in Maximilian Voloshin's "Cimmerian" Cycles]. *Vesnik BDU*, 2009, no. 2, pp. 51–55.
23. Stepanov Ju. S. *Konstanty: slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovanija* [Constants: Dictionary of Russian Culture. Research experience]. Moscow, Jazyki russkoj kul'tury Publ., 1997. 824 p.
24. Toporov V. N. *Peterburgskij tekst russkoj literatury* [The St. Petersburg text of Russian literature]. Saint-Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 2003. 617 p.
25. Toropova V. «*Obshheniem s toboju ja dorozhu...*» ["I value communication with you..."]. *Literaturnyj žurnal «Moskva»*, 2013, no. 7. Available from: https://moskvam.ru/publications/publication_933.html. (accessed 10 July 2024).
26. Cvetaeva M. I. *Sobranie sochinenij: V 7 t.* [Collected works: In 7 vol.]. Moscow, Jellis Lak Publ., 1994.
27. Chichibabin B. A. *Sobranie stihotvorenij* [Collection of poems]. Moscow, Folio Publ., 2009. 162 p.
28. Shalygina O. V. *Landshaftnye konnotacii soljarnogo mifa v strukture krymskogo teksta (M. Voloshin «Kimmerijskie sumerki»)* [Landscape connotations of the solar myth in the structure of the Crimean text (M. Voloshin "Cimmerian Twilight")]. *Vestnik slavjanskih kul'tur*, Moscow, 2017, vol. 46, pp. 201–206.
29. Shtajner R. *Očerok tajnovedenija* [An essay on Occult Science]. Moscow, Neoglori Publ., 2009. 400 p.

**THE CONCEPT OF "ETERNITY" IN THE CIMMERIAN TEXT
OF RUSSIAN POETS OF THE TWENTIETH CENTURY**

Ivanova N. P.

The article is devoted to the problem of formation and allocation of a topical (regional) supertext, which is the Cimmerian text. The research is based on the material of the lyrical works of Russian poets of the twentieth century. Its result was the conclusion that this structure was formed and is being formed under the influence of the personality and creativity of M. A. Voloshin, who perceived the territory of southeastern Crimea through the prism of the myth of Cimmeria. The followers of the poet's ideas, like himself, reflected in the analyzed supertext the process and results of the remythologization of this region, which includes, in particular, the explication of elements of the ancient and paradisiacal versions of the Crimean myth. At the same time, the core of the Cimmerian text becomes the concept of "Eternity", consistently implemented in both the spatial and temporal spheres of artistic works. The forms of explication of this mental structure are the subject of research. They are conditioned, first of all, by the ideological attitudes of M. A. Voloshin, which arose under the influence of the ideas of V. S. Solovyov, F. Nietzsche, R. Steiner, A. R. Mintslova, and are associated with the awareness of man's place in the universe and his relationship to the world around him. In the course of the study, it was found that the analyzed structure includes a subtext – the nominal (personic) Voloshin text, which is formed due to the comprehension of the poet's personality.

Keywords: supertext, Cimmerian text, the concept of "Eternity", subtext, myth.